

Культура. — 1998. —
5-11 ноября. — С. 12

В Москву! В Москву!

Официальные торжества в честь столетия Московского Художественного театра начались на свежем воздухе. Утром 26 октября в присутствии множества официальных лиц и представителей творческой интеллигенции (среди которых были замечены Зураб Церетели, Юрий Любимов, Александр Володин, Майя Плисецкая, Владимир Васильев и многие другие) торжественно открылись мемориальная пешеходная зона в Камергерском переулке и первый в столице памятник Антону Павловичу Чехову работы известного российского скульптора Михаила Аникушина.

Художественный руководитель МХАТа имени Чехова Олег Ефремов в связи с этим назвал 26 октября днем восстановления исторической справедливости и заметил, что театр теперь будет ежедневно чувствовать чехов-

ский взгляд и учиться понимать жизнь по-чеховски. Эту же мысль поддержал и мэр Москвы Юрий Лужков, отметив, что Чехов снова вернулся в Москву, к театру, который ныне носит его имя.

Что же касается мемориальной пешеходной зоны, то, по словам московского мэра, авторы проекта архитекторы Михаил Посохин и Михаил Фельдман попытались воссоздать дух того времени, в котором жил и творил гениальный российский писатель. Сам же Камергерский отныне станет еще одним, "воздушным" фойе МХАТа имени Чехова. На церемонии также выступили министр культуры РФ Владимир Егоров, писатель Александр Солженицын, была зачитана приветственная телеграмма от Дмитрия Лихачева. Лейтмотивом всех выступлений стало утверждение, что и Чехов, и Московский Художественный театр — символы уходящего века — нужны и веку грядущему.

Соб. инф.

Та-ра-ра-бумбия. Стою на тумбе я

Фото А. МЕЛИКОВА

Чисто биографическое

В Москве объявился старый ее житель, надолго, в сущности, навсегда — Антон Павлович Чехов. Место для нового памятника определили в Камергерском переулке, у самого почти артистического входа в Московский Художественный академический театр имени А.П.Чехова.

На постаменте читаем: "Антону Павловичу Чехову". Куда точнее было бы "Антон Павлович Чехов"...

У Аникушина не подарочная — пусть от чистого сердца — реплика всепочитаемому герою из числа мировых культурных символов. Аникушин оставил нам доподлинно Чехова.

В течение трех (и более!) последних десятилетий своей жизни Михаил Константинович не расставался с Чеховым. Он приступил к работе над памятником в начале шестидесятых. В феврале 1966 года уже было решение Моссовета установить аникушинскую скульп-

туру на Страстном бульваре. Но Михаил Константинович продолжал работать. Помнится, еще и в девяностом году в Министерстве культуры СССР его пытались уговорить "отпустить" своего Чехова в Москву. Облюбованный Михаилом Константиновичем Страстной бульвар был еще свободен (теперь там памятник Высоцкому). Не убедили. Аникушин все что-то уточнял, менял, восстанавливал...

Он истово "вызывал" Чехова, близкого себе человека-художника, чтобы говорить с ним без слов, в молчании времени, в стенах огромной своей мастерской близ Черной речки в пушкинско-досто-евском Петербурге.

Аникушин, разумеется, признавал, что когда-нибудь его Чехов должен будет отправиться в Москву, но обстоятельства реальной и его, скульптора, совершенно внутренней жизни из года в год препятствовали "Чеховскому отъезду".

Сегодня, взглядывая в знакомые черты аникушинского Чехова, остановившегося в какой-то веч-

ный миг у порога МХАТа, я вижу незабвенного Михаила Константиновича — невысокого, изумительно подвижного, доброжелательного, светлого, никогда не рядившегося в тогу "большого художника", величественно и просто расположившегося у ног своего Чехова, мирно и ласково беседующего с вами или каким еще гостем. Вдруг он забывает о вас. Беседа обрывается на полуслове. Аникушин будто взлетает по деревянной лесенке и трепетно-точной своей рукой прикасается к лицу Чехова. Глина податлива, и уже в следующий миг, не понимая, что, собственно, изменилось, вы чувствуете себя чуть-чуть приблизившимся к этому, кажется, живому скульптурно-мозаичному, вступившему в неожиданный диалог именно с вами.

Смерть Аникушина в 1997 году стала точкой в общении скульптора и писателя, образ которого оказался угадан внутренним слухом художника, его интенсивным мысленным сопереживанием с живым для него героем.

Аникушин, может быть, ничего

не прибавляет к "литературе о Чехове". Но он прибавляет нечто к самому Чехову — он "продвигает" его в "иные времена", движимый великой художественной интуицией и конгениальной Чехову "тайной свободой" отношений с миром наблюдаемых им людей.

Высокий, тонкий, изысканно простой, без привычного пенсне, Чехов Аникушина, в сущности, идеален. Он (как и Пушкин Опекушина на соседней площади, на одной с ним линии) не смотрит "вперед". Он "прислушивается" к ходу времени, сердцебиению Художественного театра, к своим мыслям и душевному состоянию. Бронза Аникушина — его Чехов — излучает тепло, почти осязаемое на холодном осеннем ветру.

Аникушинский Чехов — это красота и печаль изживания совершающегося.

Перед нами скульптурный образ мирового писателя из России, оставшегося для его соотечественников идеальным воплощением тонко устроенного, страдающего человека, — возвышенной души!

Лирическая и трагическая чеховская цельность, завершенность и трепетность, поэзия интенсивного внутреннего самопознания, какая-то прекрасная "затененность" собственного пребывания в общей жизни — все это угадывается в Чехове, что остановился ныне у Художественного театра в Москве.

"Хорош Божий свет. Одно только нехорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм... Надо быть справедливым, а остальное все приложится", — писал Чехов в одном из писем 1890 года, направляясь на остров Сахалин.

Надо быть справедливым, остальное все приложится...

Из московских памятников Чехов Аникушина может стоять рядом разве что с Гоголем Андреева.

Чехов Аникушина поистине несет в себе "божественную тревогу"...

Андрей ЗОЛОТОВ,
заслуженный деятель
искусств России